

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

# СПЕЦНАЗ



Сергей САМАРОВ

ПОБЕДИТЬ  
ИЛИ УМЕРЕТЬ



Сергей Самаров  
**Победить или умереть**

«Автор»

2013

## **Самаров С. В.**

Победить или умереть / С. В. Самаров — «Автор», 2013

Во время очередной вылазки боевики чеченского террориста Азамата Тимирбекова подорвали бронетранспортер федеральных войск и взяли в плен инструктора по рукопашному бою капитана Вьюгова. Тимирбеков, в прошлом титулованный спортсмен, не мог не использовать такую удачу и предложил устроить поединок. Сам террорист драться с инструктором, конечно, не собирался. Тимирбеков хотел, чтобы капитан сразился с его гостем – непобедимым бойцом из Китая по прозвищу Бумажный Тигр. Вьюгов согласился, но с одним условием: на подготовку к поединку ему нужно тринадцать дней...

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

# Сергей Самаров

## Победить или умереть

© Самаров С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

## Глава 1

В ущелье уже было почти темно. Вечер сюда спускался раньше, чем в широкие долины. – Темп, темп!.. Темп не теряем! – прозвучала команда эмира джамаата.

Бойцы и без того шли быстро, хотя знали, что погони за ними нет. Там, за их спинами, остались два наблюдателя. Один из них должен привести в действие взрывное устройство, когда к остаткам бронетранспортера подъедут силовики, и после этого вернуться. От места взрыва он сидит далеко, смотрит в бинокль и оценивает ситуацию. Произведет взрыв, позвонит и только после этого отправится на базу.

Второй выставлен еще дальше от дороги, у прохода в ущелье. Вернее, у самого начала лабиринта. В ущелье с этой стороны могли войти только те люди, которые знали путь через лабиринт, выстроенный природой среди скал, треснувших и расколовшихся много веков назад.

Проходов изначально было только два. Амир Азамат Тимирбеков приказал взорвать одну высокую скалу. Она разрушилась и засыпала самый прямой путь. Теперь даже банде приходилось лишних двадцать минут петлять по лабиринту, чтобы попасть в свою пещеру. Зато это обеспечивало безопасность.

Второй наблюдатель занял пост неподалеку от входа в лабиринт. Он предупредил бы телефонным звонком, появившись у прохода преследователя. Но чужаки никак не могут знать точный маршрут в лабиринте. Они обязательно нарвутся на мины, выставленные по приказу амира Азамата. Почти каждый ложный проход заминирован. Взрыв мины будет направлен против скал, но не людей. Камни обрушатся на тех, кто потревожит взрыватель. Они смогут нанести противнику больше урона, чем какие-то осколки, которые в кого-то попадут, а в кого-то нет.

Недавно амир Азамат сам смотрел в Интернете сюжет, где группа спецназа ГРУ, уничтожая другую банду, вошла на заминированную территорию. Один солдат наступил прямо на взрыватель. Осколки никого задеть не смогли, и только самому солдату пятку взрывной волной сломало. Случай сам по себе уникальный, но, как оказалось, вполне возможный. После просмотра этого сюжета Азамат и велел переставить мины так, чтобы они разрушали скалы и роняли их на головы людей. А осколки – дело второстепенное. Мины переставили. Теперь спать можно было спокойнее.

Уничтожение бронетранспортера внутренних войск было проведено классически, без потерь. Двух выстрелов кумулятивными гранатами из РПГ-7, сделанных один за другим, хватило на то, чтобы уничтожить БТР полностью, вместе с командой. Чтобы избежать создания внутри БТРа избыточного давления в случае попадания кумулятивной гранаты, на бронетехнике федералов как минимум один люк обычно остается открытым. Это помогает экипажу спастись, если только никого не заденет осколками пробитой брони и кумулятивной струей.

Но эти герои ехали с задраенными люками. То ли на одни бойницы надеялись, то ли не предполагали, что в этом районе на них может быть произведено нападение. Ведь в селе, буквально в трех километрах отсюда, оставались еще два бронетранспортера и три грузовика с солдатами. Это, казалось бы, должно было сделать нападение невозможным, но оно состоялось.

Каким образом уцелел капитан в краповом берете, остается только гадать. Он выскочил из бронетранспортера через боковой люк. Нет, даже не выскочил, а вывалился, но оказать сопротивления не успел и не сумел. Пережив страшную убойную силу избыточного давления, капитан все же умудрился откинуть люк и выбросил свое тело наружу. Большого он сделать уже не мог. Да и какое сопротивление мог оказать этот офицер, если он покинул БТР даже без оружия?!

«Краповому» капитану быстро завернули руки за спину, связали, поставили на ноги и пинками стали подгонять в нужном направлении. Задерживаться у дороги бандиты не хотели.

Это слишком опасно. Могли подойти два других бронетранспортера федералов, хотя первоначально они вместе с грузовиками остались в селе, где проводилась проверка паспортного режима. Никто не знал, надолго ли они задержались там и почему экипаж одного бронетранспортера никого ждать не стал.

В джамаате осталось только две гранаты для РПГ-7. Уничтожить ими пару бронемашин возможно, но такое удастся далеко не всегда.

Впрочем, ненадолго задержаться бандитам все же пришлось. Эмир джамаата Назирхан Мухаммадтахилов решил установить взрывное устройство рядом с подстреленным бронетранспортером. Благо там, у обочины, очень даже удобно, как раз в нужном месте, лежала целая груда камней. Она и подала Назирхану эту мысль.

Он вообще-то изначально планировал поставить это взрывное устройство у дороги и разнести вдребезги любой транспорт, который проедет мимо. Но эмир увидел близко идущий бронетранспортер и решил обойтись гранатометами. Получилось удачно.

Теперь пришло время использовать и само взрывное устройство. Тогда не придется тащить его назад. А оно не легкое. Одних поражающих элементов – болтов, гаек, гвоздей, обрезков проволоки – не менее пары килограммов. Тротила в три раза больше. Взрывное устройство было одновременно и фугасным, и осколочным. Таким взрывом можно было нанести противнику немалый урон.

Метод старый, привычный, используемый весьма часто. Уничтожается одна машина, рядом закладывается второе взрывное устройство, и взлетают в небеса те вояки, которые приедут на помощь. Или менты и следователи, которые тоже обязательно появятся. Правда, в последнее время федералы проявляют осторожность, уже знают эту испытанную тактику. Но сапера выпускают вперед не все и не всегда. Он не обязан присутствовать в каждой группе. Если таковой вдруг появляется, то его тоже надо бы уничтожить. Некому будет в следующий раз соваться в опасное место.

Джамаат уходил в свое временное пристанище, в пещеру на склоне ущелья, и уводил туда пленника. Братъ его вообще-то не планировалось. Это была спонтанная инициатива Назирхана. Но участь капитана, как эмир уже решил про себя, была ясна в любом случае. Он видел проход в скалах, значит, больше не имеет права на жизнь. Это несмотря на то, что состояние, в котором пребывал пленник, вызывало большое сомнение в его способности запомнить дорогу. Капитана шатало, глаза у него закрывались на ходу, ноги подгибались как ватные. Бандитам приходилось постоянно подгонять его пинками. Капитан не стонал, никак не показывал свое состояние, но глаза его, когда они открывались, выражали мучительное страдание, которое трудно было не прочесть даже слепому.

Уже на подходе к пещере с Мухаммадтахиловым связался Гулла, парень, оставленный у дороги для проведения взрыва.

– Назирхан, я сделал.

– Как успехи?

– Подъехала «Волга». В село шла. Остановилась. Вылезли менты. Какой-то начальник. С ним трое и водитель. Стали обходить БТР, смотрели. Они как раз между камнями и транспортером оказались, я и взорвал. Всех положил. Не знаю, есть живые или нет. Только один сначала шевелился. Отполз к середине дороги и там, похоже, навсегда уснул. В бинокль не разобрать, что с ним. Других машин не видно. Темнеет сильно. А ночью здесь никто не ездит.

– Хорошо. Молодец. Возвращайся. Позвони Искандару. Пусть с тобой идет. Вдвоем веселее. Поторопись. Амиру сам докладывать будешь. В подробностях.

– Лечу как пуля.

Назирхан усмехнулся этой присказке своего бойца. Имя у него такое – Гулла. На аварском таким словом обозначается круглая пуля, маленький шарообразный предмет. Гулла и в

жизни такой же, как пуля. Быстрый, шустрый, легкий на подъем, исполнительный. Да и внешне тоже – шарик, колобок. И не подумаешь, что этот колобок способен делать такие взрывные устройства, что никто не догадается, что это такое, пока не взлетит в небеса.

Не зря его амир Азамат отправлял в Пакистан учиться взрывному делу у талибов. Гулла не просто научился, а стал профессором в своем деле. Сам уже других наставляет. С разрешения амира из других отрядов к ним приезжают люди, которых Гулла обучает. Про одних он говорит, что с них толку не будет. Голова не так соображает. Так и получается. Про других, наоборот, утверждает, что они со временем смогут работать лучше, чем он сам. Видимо, это не такой простой вопрос. Во взрывном деле, как и везде, особый талант нужен. Гулла им обладает. Поэтому его ценят и эмир Назирхан, и амир Азамат.

Следующий звонок прозвучал сразу, как только Назирхан закончил разговаривать с Гуллой. На сей раз это был Вагиф, младший брат эмира.

– Назир, как успехи?

– Отлично! Ты что звонишь?

– Я на посту. Вижу тебя и твой джамаат. Кого вы там пинаете?

– Пленник. «Краповый» капитан. Как-то выжил в БТРе и сам к нам выскочил.

– Амиру звонить или сами доложите, как дойдете?

– Позвони, предупреди.

– У тебя потери?

– Нет. Все прошло отлично.

– Двоих не хватает. Или я считать разучился?

– Они догоняют. Не подстрелили их. Это Гулла с Искандаром. Гулла хорошо отработал, Искандар наш отход прикрывал.

– Ладно. Сейчас позвоню Азамату.

– Звони.

Если джамаат миновал пост, значит, до пещеры осталось десять минут привычного быстрого шага. Часовые выставляются с той и с другой стороны ущелья на склонах. Десять минут – это время, потребное джамаату на то, чтобы в случае реальной опасности сняться и уйти через систему подземных сообщений в другую пещеру, а из нее – в ущелье, выводящее в долину, расположенную уже на территории соседней республики.

Опасность обязательно будет замечена. Амир Азамат на этом не сэкономил. Часовые имели в своем распоряжении бинокли с тепловизорами, позволяющие им видеть все биологически активные объекты даже под прикрытием камней. Живые существа всегда выделяют тепло, и тепловизор его улавливает.

Пока опасности не предвиделось. Но джамаат шел в том же высоком темпе, что и раньше, хотя, казалось, сейчас особой необходимости в этом и не было. Однако так всегда приказывал двигаться амир Азамат, чтобы потом, когда возникнет необходимость, они смогли бы идти еще быстрее. Бойцам нельзя позволять расслабляться. Каждый обязан постоянно быть в высоком тонусе и поддерживать хорошую функционалку.

Амир Азамат Тимирбеков и сам в недавнем прошлом был спортсменом, не просто любителем, а одним из первых российских чемпионов мира по панкратиону<sup>1</sup>. Он уже разменял четвертый десяток лет, но запросто мог дать урок рукопашного боя любому молодому супермену. Все его бойцы были готовы всегда и всюду поддерживать славу своего амира.

Ущелье тянулось в юго-восточную сторону, как раз туда, где в это время года поднималась луна. Но в горах она всходила не над горизонтом, а над хребтом, поэтому светлело сразу и резко. В этот раз произошло то же самое. Перед появлением луны темнота стала особенно

---

<sup>1</sup> *Панкратион* – вид спорта, совмещающий кулачный бой и борьбу, входивший в программу древнегреческих Олимпиад. Наверное, самый жесткий вид современных единоборств (здесь и далее прим. авт.).

густой. Свет далеких звезд хорошо освещал разве что траверс хребта, но никак не самое дно ущелья. Туда он почти не доходил.

Там есть такие места, откуда звезды порой и днем хорошо видны, но света это не приносит. Бойцам, возвращавшимся с задания, порой приходилось спотыкаться о многочисленные камни, по которым каждую весну течет бурный ручей. Зимой дно ущелья сухое и смерзшееся, такое же жесткое, как характеры людей, которые постоянно здесь ходят.

Характер никогда не научит не спотыкаться. Темнота всегда остается темнотой. Однако луна все же вышла, и кругом сразу посветлело. Идти стало легче, тем более что и конец пути был уже близок.

Уже за следующим изломом ущелья стал виден костер. Он только разгорался, еще не полыхал в полную силу. Весь джамаат знал, что амир Азамат приказал его разжечь, чтобы встретить вернувшихся бойцов теплом уже на подходе к пещере. В обычные дни люди амира чаще всего разводили огонь в пещере. Они только изредка позволяли себе оставить следы костра под открытым небом.

Снег не покрывал дно ущелья. Он просто не долетал туда. Слишком невелико было расстояние между чересчур крутыми склонами двух хребтов. Вообще, глядя со стороны, казалось, будто один хребет треснул посередине и развалился на две части.

На каменистом дне не оставалось следов двух джамаатов, входящих в отряд. Сторонний наблюдатель мог засесть только места стоянок, но они на дне не устраивались. Конечно, несложно закопать обгорелые сучья, оставшиеся от костра. Но следов дыма со скал не соскоблить при всем желании. Если часто разводить огонь, то вертикальные каменные стены быстро покроются слоем копоти. Поэтому бандиты жгли костры в самой пещере.

Дым уходил куда-то в бездну горы одному ему известными путями. Увидеть его снаружи было невозможно, словно он никуда и не девался. Азамат специально выставлял людей для проверки. Никто не сумел заметить дым, хотя люди смотрели с разных сторон и под любыми углами. Костров для этого случая разжигали много, и все большие, хотя обычно дрова экономили, потому что приносить их приходилось издалека. Но хребет глотал дым и не выпускал его или же очищал с помощью целой системы сложных почвенных фильтров.

Внизу же, в ущелье, бойцы рисковали разводить огонь только по ночам. Как ни велико было их желание побыстрее согреть руки, но они знали, что будешь жечь костер днем, и эти самые конечности, теплые или замерзшие, могут тебе больше не понадобиться. Вопрос безопасности всегда должен быть приоритетным. Это правило амир Азамат Тимирбеков прочно вбил в голову каждого своего бойца. Все они выполняли его безукоризненно.

Азамат Тимирбеков сам спустился из пещеры на склоне к костру, разожженному внизу, чтобы встретить вернувшихся бойцов.

– Как успехи, Назир? – спросил он, улыбаясь.

Эмир джамаата понял, что Вагиф успел позвонить. Иначе Азамат не пришел бы. Он уже знал, что вылазка прошла так удачно, как давно уже не получалось, но хотел выяснить подробности, чтобы еще раз похвалить и эмира, и всех бойцов.

– Мы отлично отработали, амир! – Назирхан двумя руками сжал протянутую ладонь Азамата, показывая свое почтительное уважение. – Только к дороге вышли, не успели взрывное устройство заложить, видим, бронетранспортер едет. Из села возвращается. Два других вместе с машинами там остались. Времени в обрез было. Я сразу пару гранатометчиков выставил. Двух выстрелов транспортеру за глаза хватило. А взрывное устройство мы потом уже выставили рядом с ним. Гулла там остался. Издали в бинокль смотрел. Подъехала «Волга» с ментами. Какой-то начальник с тремя провожатыми и водителем. Остановились. Стали БТР по кругу обходить. Гулла всех их одним взрывом накрыл. У него сигнал на взрыв с трубки подается...

Амир Азамат кивнул. Он знал, как подается сигнал на взрыватель.

– Гулла мне звонил, сказал, что только один сначала шевелился, сумел до середины дороги доползти и там затих. Остальные даже не шевельнулись. Но уже темнело, и разглядеть было трудно. На дороге больше никто не появлялся. По ней ночами не ездят. Я приказал Гулле, чтобы он забрал с поста Искандара и они догоняли нас. Пока их нет, но оба быстрые, вот-вот, думаю, появятся.

– Вагиф звонил. Они уже его прошли. Сколько человек было в транспортере?

– Мы не посмотрели. Но вон тот капитан расскажет. Он через боковой люк вывалился. Как-то выдержал избыточное давление, и ни осколками, ни кумулятивной струей его не задело. Выпал из транспортера даже без оружия.

– Пленный!.. Это хорошо. Сопrotивлялся?

– Он на четвереньки подняться не мог, какое уж тут сопротивление. Мы ему руки за спиной связали, три раза поднимали, он падал. Только с четвертого устоял. Но сейчас, кажется, в себя приходит. Наш темп ему на пользу пошел. Легкие у капитана здоровые, парень крепкий. Шел быстро и не ныл, когда подгоняли.

Капитан стоял неподалеку. Разговор велся на аварском языке. Он не знал его, но сразу понял, что разговор идет о нем. Пленник не стал ничего спрашивать, молчал и старался держаться с достоинством, хотя видно было, что его общее состояние оставляло желать лучшего.

– Эй, подойди к амиру! – сказал Назирхан по-русски, презрительно, как-то повелевающе двинул рукой и даже слегка выпятил нижнюю губу.

Назирхану казалось, что так он выглядит куда солиднее.

«Краповый» капитан ответил ему таким же презрительным взглядом, поморщился, слегка тряхнул головой, словно сбросил хмурь, и потянул руки, стянутые за спиной тугим узлом. Но подойти он не пожелал. Назирхан, не дождавшись выполнения своего приказа, сам стремительно шагнул к капитану и нанес размашистый удар сверху в височную область.

Этому эмира джамаата учил сам амир Азамат, который знал толк в таких делах. Удар назывался красивым иностранным словом «оверхенд», и Назирхан при необходимости с удовольствием применял его. Любой нормальный человек от такого удара должен был бы свалиться так же быстро, как под обухом тяжелого топора. Но капитан только чуть качнулся вперед, нетвердо держась на ногах, слегка склонил голову в берете и пропустил над ней тяжеленный кулак эмира. Получилось так, что Назирхан только слегка задел лопатку капитана и сам едва удержался на ногах. Он не ожидал промаха и вложил в удар весь вес своего сильного тела.

– Винни-Пух по этому поводу говорил: «Ты не то чтобы совсем не попал, просто не попал в шарик», – проявил остроумие пленный.

Бандиты его не поняли. Наверное, они не знали, кто такой Винни-Пух и кому он говорил эти слова. Иначе злости было бы больше, поскольку мусульмане отрицательно относятся и к свинине, и даже к сказочному герою Пятачку.

– Ноги не контролируешь, – сразу определил Тимирбеков ошибку эмира. – Имей капитан возможность, он сейчас одним ударом добил бы тебя.

Назирхан выпрямился. Глаза его горели сердитым огнем.

Он готов был броситься в новую атаку, но капитан вдруг спокойно сказал:

– Бабы...

– Что? – сурово переспросил Азамат, жестом останавливая руку Назирхана, уже отведенную за спину.

– Бабы истеричные, – в голосе капитана было не меньше ведра презрения. – Только они бьют связанных и контуженных. Мужчина себе такого позволить не может. Он уважает противника и дерется с равным. А бабы бьют того, кто ответить не может.

Достоинство пленника вызвало уважение амира и дополнительную ярость эмира, который не умел ценить чужое мужество, а испытывать свое в таких же сложных обстоятельствах ему пока не доводилось.

Азамат Тимирбеков расслабился, ухмыльнулся почти с одобрением и заявил:

– Ты хорошо от удара ушел. Из пятидесяти людей сорок девять будут назад отпрыгивать, а ты вперед сдвинулся. Умеешь драться?

– Умею, – просто, без хвастовства сказал капитан.

– Ты кто такой вообще? По званию, так ротой должен командовать.

– Инструктор по рукопашному бою капитан Вьюгов, – так же просто, с тем же достоинством представился пленник.

– Спортивные звания есть?

– Мастер спорта международного класса по боевому самбо.

– Мастер спорта СССР или России? – со знанием дела переспросил амир.

– Во времена СССР я еще пешком под стол ходил. Не успел тогда мастера получить.

– Я почему спрашиваю, – объяснил амир Азамат. – Просто сам я был мастером спорта СССР и сейчас вижу большую разницу между этими званиями. По моим оценкам, мастер спорта России примерно равняется хорошему перворазряднику советских времен. В лучшем случае кандидату в мастера.

– Субъективное мнение, – заметил капитан. – Мастера и перворазрядники бывают разные. Я многих видел, всякого уровня.

– Я тоже многих видел. Что с тобой случилось? Как самочувствие?

– Плохое самочувствие. После такой контузии хорошим оно быть никак не может.

– Драться достойно сейчас не сумеешь? А просто бой принять?..

– Достойно – не смогу. Не готов к серьезной конкуренции. Но бой принять, если руки развяжут, готов всегда. Если обстоятельства такие...

Азамат недолго подумал, потом спросил:

– Что тебе надо, чтобы в себя прийти? Врача у меня нет, и в госпиталь я тебя не отпущу.

– Три дня спокойного отдыха. Потом четыре дня на восстановление.

– Сегодня воскресенье. Ровно через неделю ты дерешься. Без перчаток, голыми руками.

Естественно, без всяких шлемов и защиты. Ну, разве что могу разрешить эластичные бинты на руки намотать. Так ты кисть себе сразу не сломаешь, значит, дольше на ногах продержишься. Итак... Будешь драться?

– Буду, – без раздумий согласился капитан. – С кем? С тобой?

Амир улыбнулся.

– Да, я бы хотел сам тебя побить. Но мой авторитет такая победа не поднимет, да и возраст мой уже не тот. Но есть у меня человек, на которого я в деле взглянуть хочу. Издалека ко мне приехал кое-чему обучиться. Вот и посмотрим, чего он стоит в действительности. Пока производит благоприятное впечатление. И чего ты стоишь, тоже посмотрим. За всех «краповых» драться будешь. Любопытно мне, что их инструктор умеет. Соперник примерно твоего роста, веса и комплекции. Одна категория. Подходите друг другу по всем статьям.

– Как его зовут?

Амир коротко хохотнул.

– Почему ты не спрашиваешь, как зовут меня? А его имя тебе ничего не скажет и подавно.

– Я уже понял, кто ты. Я смотрел записи с твоими боями. Узнал.

– Даже так? Это хорошо. Вот и гость мой смотрел записи, поэтому ко мне приехал. Понравилось. Желает отточить технику отдельных ударов.

– Как его зовут? – повторил капитан свой вопрос.

– Мы зовем его Бейбарс. Но у него и свое имя есть – Чун.

– Красивое имя. Чун по-китайски – весна.

– Ты китайский язык знаешь?

– Нет. Только отдельные слова.

– Откуда сам родом?

– С Дальнего Востока. У нас там китайцев как грязи. Приходилось много общаться еще в детстве. Кое-что помню. На них драться учился.

– Хорошо. Восстанавливайся. Я понимаю, что такое серьезный бой.

– Если я выйду победителем, ты меня отпустишь?

– Не отпустил бы, даже если бы ты победил меня. Тебя вели сюда путем, который знают только мои бойцы. Тебе известно, где наша база. Ты приговорен. Но победитель умрет без мучений, и я не допущу, чтобы издевались над хорошим бойцом. Тебя просто расстреляют. Без возни, без оскорблений. Обещаю тебе это честно. Попытаться бежать не рекомендую. Тебя провели через минные поля. Ты их не знаешь, поэтому обязательно взорвешься. Или мои часовые раньше тебя подстрелят. Удовлетворись сносным к тебе отношением, пока ты жив, и почетной смертью. Это лучшее, что я могу тебе предложить.

– И на том спасибо.

– Назирхан! – требовательно и строго сказал амир. – Отведи пленника в пещеру. Создай ему условия для отдыха. Через неделю он будет драться с Бейбарсом. Запомни сам и всех предупреди, пальцем его не трогать! Не портить мне картину! Потом позвони Бейбарсу. Думаю, к утру не успеет, но пусть прибудет, как только сможет. Срочно. Так и скажи ему. Я буду его учить.

– Да, амир! – тихо согласился Мухаммадтахиров, не удержался и скрипнул зубами. Мстительный характер эмира требовал выхода. Приказ Тимирбекова был категоричным и не позволял ему сейчас причинить вред пленнику, поставившему его в неудобное положение перед амиром. Но Назирхан верил, что его час еще пробьет.

## Глава 2

Комнаты в большой пещере представляли собой просто гроты, вырытые человеческими руками, в которые вставили грубые, но крепкие двери. Их было немного, четыре в одной стене. Слабый свет костра, потухающего неподалеку, и лучик не яркого фонарика Назирхана Мухаммадтахирова, сопровождающего пленника, позволяли капитану разглядеть только это. Всех прочих стен и потолка видно не было.

Назирхан распахнул дверь, но, выполняя приказ амира, хаметь не стал, не затолкал, а просто пригласил русского молчаливым жестом. Дескать, заходи. Он направил луч фонарика внутрь, показывая, что споткнуться тут нельзя, порога под дверью нет.

Капитан Вьюгов понял, что он здесь не первый по счету пленник, когда увидел многочисленные пустые консервные банки, подвешенные к двери. Такая вот звуковая сигнализация была позаимствована бандитами у солдат Первой мировой войны. Еще в те времена на колючую проволоку, протянутую вдоль линии фронта, навешивали парами такие консервные банки. Если кто-то проволоку или обрезал, или задевал, банки звенели, часовой это слышал и поднимал тревогу.

– Вот тебе комната со всеми удобствами, доступными в данных обстоятельствах, – усмехаясь, сказал эмир Назирхан. – И кровать почти с пуховой периной, и туалет с душевой кабиной. Вода только в ведре. Я прикажу, чтобы принесли. Смотри, в темноте не промахнись, в унитаз не провались, а то меня потом обвинят, что я тебя до травмы довел и сорвал твой бой с Бейбарсом.

Мухаммадтахиров посветил фонариком в угол. Там в камне было выдолблено большое отверстие, в которое вполне могла бы провалиться даже нога. После этого эмир направил луч на лежанку. Она была сделана из дощатых ящичков, прикрытых азиатским халатом, не просто грязным, но и окровавленным, в нескольких местах пробитым пулями. На Кавказе обычно таких не носят. Видимо, халат принадлежал какому-то представителю Средней Азии, сложившему в местных горах свою неумную голову. Умный человек не будет соваться туда, где этой головы часто и вполне профессионально лишают. Рядом с дверью стоял большой ящик, заменяющий, похоже, стол, и рядом два поменьше вместо стульев. В этом гроте вполне можно было жить.

Назирхан только показал все и сразу же ушел. Дверь он закрыл снаружи и дал кому-то приказание на непонятном языке. Значит, выставили часового, догадался капитан. Он не видел на двери запора, когда входил сюда, и не знал, как его закрыли. Назирхан не посветил фонариком в ту часть двери, где обычно запоры устанавливаются, и потому трудно было определить, есть ли возможность освободиться, выбив дверь.

Доски выглядели толстыми и прочными. Хотя, если постараться, любую деревянную дверь выбить можно. Ее излишнее утяжеление, как правило, ослабляет петли, на которых она висит. Полотно выдержит удар, а вот они нет, и дверь все равно вывалится. Соблюсти золотую середину сложно. Тем более в условиях недостатка строительных материалов. Ведь любую доску сюда тащить приходится, наверное, на своем горбу.

Мысль о возможности побега не выходила из головы капитана Вьюгова с того самого момента, когда он осознал свое состояние и ужасное положение. Он толком не помнил, как его захватили в плен, не представлял, почему остался жив после попадания гранат в бронетранспортер. Должно быть, тогда капитан был без сознания, в таком состоянии даже что-то делал, предпринял какие-то попытки спастись. Но как это все происходило, он не представлял.

Капитан почти пришел в себя, когда его подтолкнули к входу в узкую кривую расщелину в скале. Со стороны посмотришь, никогда не подумаешь, что здесь берет начало проход через

каменный лабиринт. Федералы уже много раз осматривали эти скалы, в том числе и с участием капитана Вьюгова, но прохода так и не нашли.

Банда Азамата Тимирбекова регулярно появлялась в приграничных районах Дагестана. Она неожиданно атаковала кого-то и так же стремительно исчезала. Ее искали, но найти не могли.

Капитан Вьюгов старался запомнить путь через скалы, и, кажется, у него это получилось. Он считал, что найдет дорогу назад. Но для этого нужно сначала вырваться из пещеры, а потом добраться до прохода в скалах. Место, где сидит часовой, необходимо будет определить заранее. Вьюгов пока не знал, как это сделать. Но выбраться отсюда необходимо. Надо предупредить своих о базе бандитов и привести сюда войска.

Первым к нему пришел какой-то человек с ведром воды и пластиковым пакетом. Должно быть, он принес в нем еду. Амир Азамат не собирался, видимо, морить пленника голодом, не хотел, чтобы тот вышел на схватку с Бейбарсом в ослабленном состоянии. Человек этот вошел вместе с часовым, осветил фонариком и сразу выключил его. Часовой с автоматом на изготовку остался тут же, за распахнутой дверью. Пройти дальше он не рискнул. Теперь уже горел его фонарик.

Капитан Вьюгов отметил действия часового и просчитал, что он в состоянии достать его ногой после одного скачка. Расстояние невелико, шум будет не слишком большой. Если быть готовым, то часового можно встретить стремительной мощной атакой и таким вот образом получить автомат.

– Еда тебе за весь сегодняшний день и вода. Чачи, извини уж, не держим, амир пить не велит. У нас с этим строго. Вода и для питья, и для умывания. Ай-ай, кружку забыл. Ладно, сегодня ладонью попьешь. Завтра кружку принесу. Не забыть бы, а то память подводить стала.

Это был крупный мужчина, не самый молодой, конечно, но ему все равно еще рано было жаловаться на старческий склероз. Высокий голос никак не вязался с широкими плечами. Капитану казалось, что обладатель таких габаритов должен говорить куда более серьезно и внушительно. Слова его просто обязаны быть весомыми булыжниками.

– Спать пока не ложись. Скоро амир Азамат тебя навестит, – сообщил этот здоровяк, поставил пакет рядом с ведром и вышел.

Часовой закрыл дверь. Консервные банки тонко и многократно звякнули, показывая, что сигнализация работает без перебоев.

Капитан протянул руку, взял пакет и проверил его содержимое. Принесли немного. Две лепешки, которые в Дагестане называются фу, и кусок овечьего сыра. Он обычно бывает соленым, как помнил капитан. Этот, конечно же, окажется точно таким же. Но есть надо, чтобы вернуть себе силы. А что соленый – это не страшно. Воды полное ведро. И унитаз рядом. Главное, чтобы и в самом деле, как предупреждал Назирхан, не провалиться в эту дыру.

Капитан Вьюгов обычно неплохо ориентировался в темноте. Во всяком случае, он так считал, но всегда сталкивался только с той темнотой, которая называется неполной. Капитан знал, что полная бывает лишь в изолированных помещениях, куда никакой свет не проникает, где нет ни малейшего подобия окна, даже узкой щелки под дверью, ведущей в соседнее, освещенное помещение.

Здесь была именно такая темнота, полная, в которой даже хищные ночные птицы и звери ничего не видят. Им нужно, чтобы сияла хоть одна звезда. Здесь светить было нечему. Только в таких помещениях начинаешь понимать полностью слепых людей, воспринимать мир так, как они.

Вьюгов попытался вслепую пройти от импровизированной кровати до противоположной стены и быстро уткнулся вытянутой рукой в холод камня. Назад он вернулся так же осторожно,

но точно, и ящики не задел. Так он начал привыкать к своему «гостиничному номеру», но долго заниматься этим ему не дали.

Откуда-то издали послышались звук шагов и негромкая человеческая речь. Правда, слов разобрать было невозможно. Как и во всех подобных помещениях, создавался эффект эха, который уже в трех шагах искажал звук. Да и говорили, скорее всего, не на русском. Шли двое. Потом к ним присоединился третий. Нетрудно было догадаться, что это часовой. Он и открыл дверь.

Вошли эмир Назирхан и амир Азамат, который сам держал в руке фонарик. Быстрыми движениями кисти он поочередно осветил все углы кубического грота, словно проверил их. При этом по небольшому помещению металась тень. Позади Тимирбекова горели два фонаря. Они тоже что-то освещали, множили каждое движение любого человека, находившегося в этом подземелье.

Пленный капитан встал. Он намеренно поднимался тяжело, показывая свое нездоровое состояние. В действительности Вьюгов чувствовал себя не так уж и плохо, но решил, что лучше будет, если противники сочтут его слабым, не способным к активным действиям. Естественная хитрость в положении человека, которому обещают расстрел в качестве самого дорогого подарка. Каждое живое существо, конечно же, стремится избежать такой участи.

Но и боль свою капитан изображал с достоинством. Он умел это делать. Достоинство нравилось амиру Азамату. Это Вьюгов заметил сразу, еще там, внизу, в долине, при первой встрече.

– Как устроился, капитан? – спросил Тимирбеков.

– Как условия позволили. Не жалуюсь. Наверное, это даже лучше, чем зиндан<sup>2</sup>.

– Я тоже думаю, что здесь тебе лучше. Зиндан у нас тоже есть, но там скучно. Нет смысла выставлять часового рядом с ним. Снизу даже улитка не выберется. Поговорить не с кем. А здесь хоть часовой за дверью ходит. Есть возможность пообщаться.

– Если бы сюда еще и электричество провести!..

– Ты знаешь, как мы заряжаем аккумуляторы для наших нужд?

– Я впервые у вас в гостях, амир. Откуда мне знать!

– У нас есть тренажерный зал, в котором всегда как минимум два человека сидят на велотренажерах, подключенных к генератору. Я хочу, чтобы мои парни всегда были в хорошей физической форме, поэтому совмещаю приятное с полезным.

– Похвальная забота.

– Мы пришли к тебе, капитан, чтобы задать несколько вопросов, – серьезно сказал Назирхан Мухаммадтахиров. – В них нет ничего преступного, и ты можешь на них ответить.

– Я тоже так думаю, – сказал Азамат Тимирбеков.

– Спрашивайте, – согласился капитан.

– Зачем в село проехали бронетранспортеры и грузовики с солдатами?

– Проверка паспортного режима. Внеплановая. Знаете, как это делается? Есть плановые проверки, график которых имеется только у командования. Есть внеплановые. Кому-то из начальства вздумается отличиться. Он, не глядя, ткнет пальцем в карту. Куда попадет, там проверку и проводят. Или кто-то сообщит, что видел в селе чужих. Тоже проверка.

– Какой вариант в данном случае? – спросил Азамат.

– Не знаю. Этот вопрос не в моей компетенции. Подняли по тревоге, погнались. Один командир взвода у нас в госпитале...

– Ранен?

---

<sup>2</sup> *Зиндан* – традиционная тюрьма у мусульманских народов Северного Кавказа и Средней Азии. Как правило, представлял собой глубокую и узкую яму. Сверху зиндан мог прикрываться настилом.

– Отравился фруктами. Желудок ему прочищали. Меня вместо него с взводом отправили.

– И что?

– А потом уже... Там, в селе, трех иностранцев задержали. Кажется, афганцы. У них нашли целый мешок долларов. Мы не считали даже. Много там. Я так думаю, что из-за этих афганцев нас и подняли. Но это только предположение. Все трое при оружии, но сопротивления оказать не успели. Их автоматными стволами разбудили. После вечернего намаза они сразу спать улеглись. Только-только в село пришли. Устали с дороги.

Азамат и Назирхан переглянулись. Похоже было, что данный вопрос их волновал. Капитан это сразу заметил.

– Где они сейчас? – спросил Назирхан.

– У Аллаха...

– То есть? Их убили?

– Да.

– За что? Они же не сопротивлялись. Ты сам сказал.

– Спроси своего эмира. – Капитан Вьюгов кивнул в сторону Назирхана.

– Не понял!.. – угрожающе проговорил Назирхан.

– Проверка паспортного режима продолжалась, а этих афганцев решено было отправить в Махачкалу, чтобы их там в ФСБ допросили. Нацепили им наручники, посадили в БТР, меня отправили сопровождающим. Вот мы и поехали.

– А деньги где? – спросил Назирхан.

Даже в темноте было заметно, как побагровело его лицо. Эмир осознал свою ошибку.

– Сгорели, думаю, вместе с мешком. В транспортере лежали. Много денег, полный мешок. Ладно, пусть не полный, но больше половины. Там сразу все вспыхнуло после выстрелов. Это я еще видел, потом уже ничего не помню.

– Никто из афганцев не спасся? – спросил Азамат и со строгим немым укором посмотрел на Назирхана.

– Этого я не видел. Я же говорю, после вспышки ничего уже не помню. Загорелось все внутри. Дальше уже без меня дело было. Не помню, как БТР покинул. У меня, кажется, рука на ручке люка лежала. Может, без сознания уже был и нажал нечаянно. Не знаю. А афганцы дальше сидели. Им трудно выбраться было. Там все сразу вспыхнуло.

– Ты не посмотрел, что внутри? – спросил амир Назирхана.

– Разве там что увидишь? БТР сразу задымил, потом боезапас взорвался, за ним топливный бак. Дым черный валит. Даже из открытого люка. Мы к капитану-то с трудом подошли. Бороды обгорали. Да и как определишь, кто там сидит, афганцы или солдаты? Сгоревшие трупы все одинаковы. Одежда-то первая сгорает.

– Тоже верно. – Азамат встал и расправил плечи. – Не расстраивайся, Назир, ты не мог знать, кого везут в бронетранспортере. Твоей вины в случившемся нет.

Амир рассудил здраво, по справедливости. Назирхан с облегчением вздохнул и тоже встал на ноги.

Они шагнули к двери. Часовой отступил в сторону, чтобы пропустить старших.

Азамат обернулся и спросил:

– Ты как себя чувствуешь?

– Стараюсь, – просто ответил капитан Вьюгов.

– Хватит тебе три дня на восстановление?

– Надеюсь, что хватит.

– Если что нужно будет, зови часового. Врача у меня нет, но есть целый сундук лекарств. Я не разбираюсь в них, потому что никогда ими не пользуюсь. Если знаешь, что тебе нужно,

передай через часового. Будем считать, что через три дня ты сможешь начать подготовку к схватке.

– Думаю, что смогу, – пообещал капитан.

Подготовку к схватке капитан Вьюгов начал раньше, чем пообещал амиру Азамату. Сразу после ухода амира отряда с эмиром джамаата, когда часовой в очередной раз позвякал консервными банками и закрыл дверь. Пока подготовка была простой. Вьюгов в темноте ощупал пол, чтобы не повредить руки, и начал отжиматься. Потом он перевернулся на спину и стал делать упражнения для брюшного пресса, одновременно поднимать вытянутые ноги и корпус. Руки при этом капитан держал за головой. При каждом движении он совершал еще и резкий поворот поочередно в одну и в другую сторону.

Потом Вьюгов изменил упражнение. Он стал поднимать корпус одновременно с несколькими быстрыми ударами, наносимыми в воздух, однако чрезмерно себя не нагружал. Время было уже почти ночное. Может быть, даже полностью, по-настоящему ночное.

Делая эти упражнения, капитан Вьюгов старался не силы себе вернуть, даже не подготавливаться к схватке, которая состоится в том случае, если ему не удастся убежать отсюда. Он хотел только изгнать из организма скованность, вызванную шоковым состоянием. Оно охватило капитана после того, как он едва не сгорел заживо в бронетранспортере.

Что такое шоковое состояние, Вьюгов хорошо знал на практике. Только безграмотные люди говорят об адреналине с восхищением, считают, что он связан с риском и мужеством. Дескать, атрибут приключений.

Да, адреналин является атрибутом приключений, только своеобразным. В действительности это банальный гормон трусости. Его избыток приводит к прямо противоположному результату, нежели тот, который ему приписывают. В сложные для человека моменты, а такие могут быть у представителя любой профессии, адреналин выделяется в больших количествах, заполняет сосуды поверхностных слоев мышц, сковывает сами мышцы, делая из них своего рода защитный панцирь. Так внутренняя природа человека пытается уберечь его от травм.

Этот самый панцирь в каких-то случаях может действительно защитить, но он делает невозможными самостоятельные активные действия. Скованные мышцы мешают нанести удар, управлять телом так, как это следует делать. Причем адреналин имеет свойство долго держаться в организме. Иногда кажется, что он уже отступил, а в самый трудный момент мышцы снова подводят. Они оказываются неспособными к действию, особенно к сложному, требующему определенных технических навыков.

Выделение адреналина произвольно. Так человек зажмуривается, когда что-то летит ему в лицо. Отдельные тренированные люди не закрывают глаза даже тогда, когда в лицо летит кулак. Они умеют заставлять свой организм не выделять адреналин. Хотя иногда он прорывается самостоятельно, особенно в моменты, когда человек бессилен что-то противопоставить смертельной угрозе.

Несколько часов назад капитан подумал, что адреналин ушел из тела. Тогда он сумел спокойно и хладнокровно уклониться от оверхенда Назирхана. Потом, уже в камере, как пленник назвал про себя свой грот, он снова ощутил скованность. Да и чуть раньше, особенно после того, как Азамат пообещал капитану расстрел в качестве самого мягкого освобождения из плена, ему хотелось сразу отбежать в темноту. Через пять шагов его уже будет не видно. Можно успеть выхватить у кого-то оружие. Но тело Вьюгова было скованно, ноги казались вареными макаронами.

Физические упражнения легко выгоняют адреналин из тела. Если не сделать этого, то всю ночь будешь мучиться беспокойством. Ведь адреналин угнетает не только мышцы, но и нервную систему.

Завершив эти простые упражнения, капитан потряс руками, сбрасывая с них напряжение, потом нанес три десятка быстрых ударов воображаемому противнику и решил, что для первой разминки этого достаточно. Большая нагрузка в ночное время на пользу не пойдет, помешает спать. Значит, и следующий день выпадет из процесса восстановления организма.

Вьюгов ощущал постель, расправил ее, насколько можно было сделать это в темноте, лег и попытался вспомнить все, что знал о системах единоборств, развитых в Китае. Со слов Азамата Тимирбекова он понял, что его противником будет китаец, которого местные бандиты зовут Бейбарсом.

Раньше капитан думал, что он хорошо помнит и кунг-фу, и ушу-саньда, и систему рукопашного боя китайского спецназа, основанную во многом именно на ушу-саньда. Теперь же в голову ему лезли только общие постулаты, но не частности. Они не давали представления о противнике, с которым капитан должен был встретиться.

Ведь основные типы единоборств Китая делились на стили змеи, птицы, обезьяны и великое множество других. Каждый из них имел собственные сильные и слабые стороны. Для противостояния любому стилю требовалась особая подготовка. По сути дела, схватка с Бейбарсом должна быть настоящей профессиональной работой.

Капитан Вьюгов принимал участие только в соревнованиях любителей. Навыки боевых схваток он отрабатывал на службе, но не имел опыта их практического применения. Спортсмены-профессионалы перед своими схватками всегда тщательно изучают противника. У капитана такой возможности не было. Впрочем, это не должно было его расстраивать, потому что и противник ничего о нем не знал, не представлял, какой стиль рукопашного боя практикуется в спецназе внутренних войск.

Конечно, надо учитывать, что китаец наверняка интересуется этой темой. Не просто же так он приехал издалека, чтобы взять уроки у такого прославленного в прошлом бойца, как Азамат Тимирбеков. Бейбарс наверняка должен был слышать и изучать систему подготовки Кадочникова. Достать книги и даже диски с записями уроков не сложно.

Именно эта система лежит в основе рукопашного боя спецназа внутренних войск. По крайней мере, в той дивизии, в которой служил капитан Вьюгов. В других частях могут изучать иные системы, но у них за основу взята именно система Кадочникова. Капитан несколько раз ездил на практические семинары, которые проводили Кадочников с сыном.

Значит, Бейбарс мог в общих чертах представлять уровень бойца, с которым ему предстоит встретиться. Он имел преимущество в информированности. Сам же Вьюгов за свою жизнь только однажды выступал в соревнованиях против китайца, да и то выросшего в Узбекистане и представляющего школу кунг-фу. Тот китаец запомнился ему умением вести бой в чрезвычайно быстром темпе. Насколько капитан знал, в российских силовых структурах темповому стилю рукопашки обучали только в некоторых бригадах спецназа ГРУ. Сам он только наблюдал такое со стороны и просматривал когда-то на учебных видеозаписях.

## Глава 3

В строю стояли не менее семидесяти молодых солдат. Последнее пополнение только недавно прибыло в расположение бригады спецназа ГРУ после прохождения карантина. По большому счету, эти парни еще не имели права называть себя военными разведчиками, но уже гордились своей принадлежностью к прославленным элитным войскам. Молодых солдат всегда можно определить по внешнему виду. По желанию казаться свободными и по произвольному умению таковыми не быть. Одежда на них плохо сидит, и ведут себя не так.

Хронически хмурый комбат подполковник Судоплатов стоял чуть в стороне. Он пришел посмотреть не на пополнение, а на нового инструктора по рукопашному бою старшего прапорщика Архиереева. Тот прибыл в батальон днем позже этих солдат и еще никак себя не зарекомендовал. Если не считать, конечно, нескольких звонков со старого места его службы и даже из московского управления. Все в один голос утверждали, что Судоплатову очень повезло, что к нему направлен такой инструктор, который не только сам не знает себе равных в рукопашной схватке, но и способен передать другим свои навыки и умения.

Павел Анатольевич Судоплатов в свои сорок пять лет считал себя неплохим рукопашным бойцом, еще не готовым к уходу на предпенсионный отстой. Так он звал тех старших офицеров, своих коллег, которые уже не рисковали покидать кабинеты и участвовать в боевых операциях, когда спецназ ГРУ привлекали к ним.

Павел Анатольевич старался поддерживать себя в форме, слегка превосходящей обычную для профессионального спортсмена. Он считал, что офицер спецназа обязан постоянно находиться на том самом пике функционального и технического состояния, к которому спортивная медицина приводит человека только накануне соревнований. Наука уверяет, что это невозможно, но офицеры спецназа ГРУ с ней не контактируют и потому ничего такого не знают.

Когда ты не знаешь, что есть нечто для тебя невозможное, оно становится достижимым, если надо. Старая как мир истина. Никому не известно, в какой момент батальон поднимут по тревоге.

Что собой представлял новый инструктор, комбат пока не знал, хотел посмотреть и послушать, как тот начнет занятие. Павел Анатольевич был стопроцентно уверен в том, что первое впечатление всегда бывает самым верным. Говоря честно, комбат еще до приезда старшего прапорщика Архиереева слегка опасался, что пришлют кого-то из новомодных ныне инструкторов.

С недавних пор в Интернете и по телевидению стали раскручивать уроки популярного ныне бородатого актера с чрезмерно перекачанными мышцами и безобразно татуированного. В результате такие вот инструкторы стали в какой-то степени модными. Глядя на эту гору мышц на мониторе компьютера или на экране телевизора, Павел Анатольевич прекрасно представлял, как за считанные секунды в серьезной схватке сделал бы из нее кучу бесформенного мяса. Бойца с такими мышцами невозможно рассматривать всерьез. Это не атлет, а ходячий аттракцион.

Впрочем, это, как слышал Судоплатов, больше касалось столичных клубов, чем войск, и уж тем паче спецназа ГРУ, который влиянию моды вообще мало подвержен. Хотя есть и такое. Примером тому могло служить то же самое чрезмерное увлечение рукопашным боем, которому стало придаваться неоправданно большое значение.

Сам Судоплатов за все годы службы только однажды в боевой обстановке вынужден был применить свои навыки рукопашника. Некоторым офицерам, не говоря уже о солдатах-срочниках, за время службы сделать этого вообще не удастся. Гораздо важнее учить бойцов скрытно передвигаться, быстро ползать, не зная усталости в беге.

Но почасовое расписание всех программ спускается сверху. Борьба с этим бесполезно, хотя командир всегда может себе позволить сокращать отдельные дисциплины в пользу других в пределах разумного, сославшись на необходимость подготовки к конкретной операции. О том, какие мысли шевелятся у него в голове относительно этой операции, одному командиру и известно.

Старший прапорщик Архиреев, к счастью, оказался совсем не таким, как опасался подполковник. По крайней мере, внешне он ничем не выделялся. Был хорошо сложен, выглядел плотным, крепко сбитым человеком, но не производил впечатления качка, мычащего от натуги. Лицом был улыбчив и даже казался застенчивым. Наверное, это ничуть не мешало ему быть хорошим инструктором, как подполковнику и обещали.

– Начинай, Алексей Александрович, – распорядился Судоплатов.

Старший прапорщик шагнул к строю и заявил:

– Правый и левый фланги, чтобы мне кричать не пришлось, попрошу нарушить порядок и приблизиться ко мне. Буду объяснять азы.

Молодые солдаты еще не привыкли к тому, чтобы уважать строй, и потому с удовольствием его покинули, чтобы оказаться ближе к инструктору.

Архиреев дождался, когда все приблизятся и затихнут, и только после этого начал:

– Во-первых, я хочу спросить вас, как вы видите, как представляете себе человеческий организм, наше тело? Только не говорите мне, как некоторые, что это машина для убийства. Человек был создан вовсе не для этого. Хотя иногда ему и приходится поступать так при необходимости. Итак, что скажете?

Строй был нарушен. Поэтому солдаты уже не чувствовали себя единым организмом. Они что-то мычали, но не отвечали.

– Тогда я сам вам объясню. Хотя бы среднюю школу вы все закончили, имеете понятие о том, что такое физика. Вам известно, что она, как и многие другие науки, делится на теоретическую и практическую составляющие. В практической физике есть такой существенный подраздел, как механика. Так вот, человеческий организм представляет собой хорошо сконструированную, идеально работающую машину, функционирующую так, как и предписывает механика, то есть физика. Там работают и другие законы, химические, психологические, духовные и прочие, но нас с вами в данном случае интересуют именно механические свойства человеческого тела. Без знания таковых невозможно ни защитить свою машину, ни сломать чужую. Кто, скажите мне, лучше других сможет вывести из строя автомобиль? Смелее! Отвечайте...

– Человек с ломом, – раздался голос из строя.

– Позволю себе не согласиться, – сказал старший прапорщик. – Ломом, конечно, можно изуродовать любую машину. Но в первую очередь придется пробивать корпус, капот, добираться до жизненно важных механизмов. Лом в руках человека, крушащего машину, напоминает мне топор, используемый пластическим хирургом. Лучше других машину может сломать автомеханик. Почему? Потому что он знает, как она устроена. Ему известно, какое именно минимальное повреждение не позволит машине сдвинуться с места. Перед вами на данном этапе обучения стоит задача стать механиками человеческого тела. Вы должны понять, во-первых, как избежать поломки собственного организма, во-вторых, уметь адекватно отвечать на попытки испортить вашу машину. Я берусь вас этому научить. – Алексей Александрович прогулялся по внутреннему кругу того, во что превратился солдатский строй, и опять остановился в центре. – Это я вам объяснил главный принцип. Теперь приведу частный пример. Это тоже напрямую касается ваших занятий. Как вы думаете, если на плоскую крышу, покрытую шифером, откуда-то с облака упадет кирпич, что с ней будет?

– Кирдык крыше будет, – раздался голос из строя.

Это сказал тот самый солдат, который вещал про лом.

– На сей раз правильно, – согласился старший прапорщик Архиреев. – А если крыша будет под уклоном? Что произойдет?

– Срикошетит.

– Почти правильно. Все зависит от угла, под которым наклонена крыша, и от крепости самого шифера. Он тоже бывает разный, как и угол наклона крыши. Наша задача состоит в том, чтобы научиться понимать законы механики, а это она и есть, причем непосредственная. Эти законы должны дать вам понять, в каком случае будет рикошет, а когда пролом. – Старший прапорщик подошел к столу, на котором лежали черенок от лопаты, малая саперная лопатка и хищно поблескивающий нож. – Сегодня я говорю только о механике, которую вам предстоит познать и осмыслить. Иначе ничего у вас в рукопашке не получится, даже если вы обладаете таким ударом, что в состоянии слона в нокаут отправить. Подойдите сюда кто-нибудь.

Из строя вышел солдат. Высокий, сухопарый, со злым взглядом. Старший прапорщик протянул ему черенок от лопаты.

– Еще раз скажу. Мы пока не учимся рукопашке, а просто осмысливаем процессы натуральной механики. Бей меня палкой.

– Как бить? – спросил солдат, тот самый, который недавно бросал реплики из строя.

– Как кирпич падает. Сверху.

– Куда?

– Желательно по голове.

– А больно, думаете, не будет?

– Я привычный. Меня много били. Пытались, по крайней мере. Бей и ты.

Солдат, не требуя долгих уговоров, с короткого размаха резко ударил. Старший прапорщик сделал встречное движение руками, сведенными вместе. Черенок лопаты едва скользнул по его предплечью и ударился в землю.

– Еще бей!

Второй удар был уже не таким быстрым, но куда более мощным. Солдат старался. Черенок лопаты ушел в противоположную сторону.

– Прошу обратить внимание на принцип, – объяснил Алексей Александрович. – Я не сопротивляюсь удару, только направляю его так, чтобы он мне не повредил. Дальше я могу развивать свою атаку, потому что противник попал в неудобное положение. Но об этом будем говорить позже. Сейчас мы только изучаем механику и осмысливаем процессы. Старшина роты подготовил для вас запас черенков. Во время самоподготовки будьте любезны отработать это движение. Разобьетесь на пары, и постигайте. Только сразу предупреждаю, что удары должны наноситься сначала медленно, чтобы вы могли освоить технику до автоматизма. Она здесь совсем простая. Словно в воду ныряете. Все, наверное, пробовали. Здесь так же. Как волну руками рассекаете, так же и палку отражаете. Когда в воду ныряете, руки для чего выставляются?

– Для чего? – спросил разговорчивый солдат.

– Для того чтобы воду рассекать и не позволить ей по голове вам бить. Точно так же вы здесь рассекаете ударную волну противника и бережете свои мозги для чего-то более важного. Все правильно поняли?

– Поняли. А что, нормальный приемчик, – сказал солдат, аккуратно укладывая палку на стол рядом с лопаткой и ножом. – А под саперную лопатку тоже нырять следует? И под нож? – Парень радостно улыбнулся, думая, что сморозил нечто смешное.

Старший прапорщик юмора не увидел или не принял, строго посмотрел на весельчака и заявил:

– В данном случае я вам показывал не приемчик. Разве что принцип правильного приема на себя удара противника. Только лишь его, не более. Чтобы вы осознали, что такое механика в действии, как с ее помощью сохранить в неприкосновенности это тело, голову в том числе.

Доступно объясняю? Есть излишне сообразительные, которым повторить требуется? Или до всех дошло?

– Дошло, – за всех гарантировал солдат.

– Фамилия? – спросил старший прапорщик.

– Рядовой Воскобойников. – Принимать при представлении стойку «смирно» солдат уже научился в карантине, поэтому сделал это правильно, вовремя.

– В дальнейших занятиях ты, Воскобойников, будешь моим помощником. На тебе стану, как ты это называешь, приемчики показывать. Будь готов. Хотя само слово «приемчик» мне не нравится. Есть слово «прием», а в ласкательно-уменьшительном тоне оно голубизной отдает. Я мужчина полноценный, поэтому его не принимаю. Но сегодня мы не ставим перед собой задачу овладеть какой-то техникой боя, хотя я и дал вам задание на самоподготовку. Повторяю еще раз, наша задача сейчас состоит в том, чтобы понять принципы телесной механики, научиться ее соизмерять, соотносить с ситуацией, то есть совмещать механику с психологией. Тот же отбив удара палкой, который мы с вами только что разобрали... Что обычно происходит в бытовой ситуации? Как люди ведут себя, когда их пытаются палкой бить?

– Убегают! – заявил солдат. – Самое надежное...

– Это тоже вариант, – согласился старший прапорщик. – Кто-то, без сомнения, выберет именно его. А если человек убежать не может? Допустим, он не один, если с ним ребенок, жена, любимая девушка. Просто стыдно ему убежать, и вообще у него нога в гипсе. Что тогда делать?

– Уворачиваться? – теперь уже рядовой Воскобойников не говорил утвердительно, а спрашивал у инструктора. – Отскакивать?..

– Вот именно. Почти все так и будут делать. Попытаются отскочить, разорвать дистанцию. От следующего удара точно так же. Но сколько раз можно так вот увернуться? В конце концов тебя достанут с дистанции. А ты будешь бессилён что-то противопоставить. Почему? Потому что не знаешь принципов работы механики человеческого тела, не умеешь совместить ее с психологией и с логикой поведения. Я сразу попрошу вас понять, что любой предмет можно рассматривать как оружие. Даже самый мелкий, типа карандаша...

– А что, карандаш – тоже оружие? – перебил Воскобойников инструктора.

– Жесткий карандаш, желательно чертежный, который затачивается чрезвычайно остро, считается особо опасным оружием. Многие разведчики всегда носили его с собой вместо пистолета. К огнестрельному оружию всегда могут придаться правоохранительные органы. Не во всех странах оно разрешено к свободному ношению. То же самое можно сказать про нож. К карандашу, вложенному в блокнот, чтобы не сломался, ни один закон претензий высказать не сможет. Удар карандашом в глаз убивает противника сразу. Да и не только в глаз. В шею, в живот, прикрытый легкой сорочкой. В некоторых случаях ранения, нанесенные карандашом, оказывались более серьезными, чем ножевые. Об этом говорит статистика. Но к оружию, которым всегда может стать любой предмет, подвернувшийся под руку, мы вернемся позже. Сейчас я говорю только о теории механики и сочетании ее с психологией. Без нее механика работать не будет. Но та же самая психология, когда она не дружит с логикой, советует человеку отскочить, если на него кто-то бросается с палкой. Только опытный боец понимает, что палка – это удлинение рук, возможность нанести удар с дистанции. Задача защищающегося в данном случае – сократить эту дистанцию. Тогда и палка окажется бесполезной. Когда меня пытался ударить рядовой Воскобойников, я мог бы отскочить и дать ему возможность еще много раз попытаться нанести удар. У него в этом случае было бы больше шансов меня достать. Но я сократил дистанцию, поставил его в неудобное для защиты положение и вполне мог атаковать сам. Палка на короткой дистанции оказалась бесполезной.

– А лопатка? – не унимался торопливый рядовой Воскобойников. – Ее так просто не отобьешь, она руку обрубит.

– Обрубит. Как принято в наших войсках, командир взвода будет время от времени заставлять вас бриться малой саперной лопаткой. Если не сумели, значит, лопатка ваша отточена плохо. Солдат, допустивший такое, разгильдяй. Поэтому действовать против лопатки следует совсем иначе, чем против палки. Вооружайся, Воскобойников!..

Солдат взял в руки лопатку, потрогал ее острие и покачал головой.

– Чем не нравится? – спросил старший прапорщик.

– Обрезаться легко. Побриться вполне можно.

– Вот и нападай на меня.

– А если задену?

– Вот комбат стоит. – Старший прапорщик кивнул в сторону подполковника Судоплатова. – Он свидетель, что я сам приказал на меня напасть. Атакуй.

Воскобойников прекрасно понимал разницу между палкой и остро заточенной саперной лопаткой, поэтому удар наносил уже не так резко и сильно, как палкой. Движения старшего прапорщика Архиреева тоже не были такими же быстрыми, как прежде.

Солдат бил правой рукой. Пока он размахивался, делая круговое движение, старший прапорщик Архиреев просто шагнул ему за левое плечо с выставленным вперед локтем. Он не нанес, а просто продемонстрировал удар локтем в челюсть, придержал солдата и уложил его на спину вместе с лопаткой, так и не успевшей опуститься после замаха. Алексей Александрович тут же обозначил два добивающих удара, перехватил лопатку за середину короткого черенка и легонько прижал острую грань к горлу солдата. Настоящее давление на черенок уже было бы опасным, если учесть остроту отточенной грани.

– Сразу объясняю свои действия. Лопатка, как, скажем, и топор, вполне может быть использована в качестве метательного оружия. Что это значит? Да то, что отскакивать и разрываться дистанцию ни в коем случае нельзя. Но на предельно короткой дистанции лопатка так же опасна для того, кто держит ее в руке, как и для того, против кого она поднята. Здесь уже все зависит от умений и знаний соперников. Нанесите два коротких отвлекающих удара по лежащему противнику, не обязательно сильных и добивающих, но хотя бы болезненных. Он потеряет контроль за лопаткой, сжатой в своей руке, и вы ее перехватите.

Старший прапорщик поднялся и помог встать Воскобойникову.

– Предвижу законный вопрос. При чем здесь механика тела? А при том, что именно она определяет дистанцию и целесообразность действий в каждом конкретном случае. Как и предотвращение ответных атак противника. Кроме того, именно благодаря механике я ловлю момент, когда тело противника находится в неустойчивом положении. При попытке нанесения удара оно совершает винтообразные движения. Начиная с момента замаха и далее мой враг обязательно будет находиться в неустойчивом положении. Именно в этот момент я прикладываю определенные усилия, не слишком великие, к тому, чтобы это неустойчивое положение усугубить, заставить противника продолжать винтообразные движения дольше, чем он желал изначально. Это позволяет мне с ударом или без, даже просто в результате легкого столкновения плечами противника уронить. Сразу прошу обратить внимание на существенную деталь. Это тоже вопрос механики. Главное – не применить силу, а создать условия для приложения умения. Использование механики дает нам возможность, не особо напрягаясь, победить противника, который физически может оказаться значительно сильнее нас.

Старший прапорщик Архиреев прогулялся перед солдатским полукругом, остановился спиной к комбату и продолжил:

– Это я вам предложил второй момент использования механики. Теперь перейду к третьему. Воскобойников, бери нож.

Солдат послушно поднял с земли лопатку, аккуратно уложил ее на стол и взял в руки нож, играющий на солнце стальными бликами остро отточенного лезвия, в то время как весь остальной металл был темным.

– Работу против ножевой атаки мы будем осваивать позже, поскольку она сложнее, и вам предстоит предварительно многому научиться. Сейчас, в который уже раз повторяю, мы рассматриваем только механику тела и возможность ее использования. Поэтому начнем с самого простого, с угрозы ножом. Итак, противник подходит к вам и приставляет нож к вашему телу. Воскобойников, работай!

– Как?

– Просто прижми нож к моей груди или к животу.

Воскобойников ударить ножом и не пытался, просто приставил острие к животу Архиеерева. Старший прапорщик тут же развернулся боком к нему, а рукой сделал движение в противоположную сторону. Нож оказался прижатым к животу уже не острием, но плоскостью лезвия, а кисть рядового завернута во внутреннюю сторону. При легком дополнительном нажатии солдат просто выронил нож, который Алексей Александрович сразу поймал и вернул.

– Повтори, – приказал он.

Теперь поворот пошел в другую сторону. Ситуация повторилась в зеркальном отражении. Нож упал раньше.

– Здесь вообще нет ничего, кроме механики, – сказал Архиеерев. – Нет применения силы, жесткости. Только механика и отработанные действия. Запомните! Я пока ничему вас не учу. Хотя и дал задание на самоподготовку позаниматься с палкой и отработать определенные движения. Учить я вас буду потом. Сейчас я пытаюсь заставить вас задуматься о том, как работает механика человеческого тела. Осмыслите, проконтролируйте свои движения в разном положении, устойчивом и нет, определите, в чем ваша сила и слабость. Как одно переходит в другое. Об этом мы поговорим на следующем занятии. Оно у нас по расписанию...

– Восемь сорок пять, – сообщил рядовой Воскобойников. – В спортзале.

– Скорее всего, вечером занятия будут другие, – из-за спины старшего прапорщика сказал комбат. – Хотя пока не стоит и сегодняшних отменять. Посмотрим, что день грядущий нам готовит.

Старший прапорщик обернулся на голос. Рядом с комбатом стоял старший лейтенант из шифровального отдела бригады. В руках он держал какую-то бумагу, которую подполковник только что прочитал.

– Сейчас пойдем на узел связи, Алексей Александрович. Нас почему-то приглашают на переговоры с Москвой. Не будем заставлять командование долго ждать. Оно этого не любит. Но начальник штаба бригады сказал, что нам с тобой почему-то предстоит в Москву лететь. Я не в курсе всех новостей, а гадать не люблю. Свяжемся с управлением, там все скажут.

## Глава 4

Ночь прошла, как показалось пленнику, на удивление быстро, хотя капитану Вьюгову думалось, что он вовсе не спал. Тем не менее, когда утром ему принесли завтрак, он встал и сразу же проверил содержимое нового пластикового пакета. Завтрак от нетронутого ужина ничем не отличался.

Но чашку «официант» принес. Именно чашку, а не кружку, как собирался. Грубую фаянсовую. Можно было пить воду нормально, не из ладоней. Или же обойтись ладонями, а чашку разбить, превратить осколки в оружие. Оторвать клочок от одежды, чтобы осколок зажать и руку себе не поранить, несложно. Можно даже от того же халата, заменяющего накрахмаленную постель.

Таким образом, заимев предмет, способный стать оружием, капитан Вьюгов почувствовал себя увереннее. Теперь он при необходимости сможет стать сильнее. Пленник понимал, что такое оружие должно быть первичным. Оно поможет ему добыть настоящее, с которым можно будет вступить в бой, пусть и не победить, но как минимум оказать достойное сопротивление. Хотя бы автомат у часового экспроприировать. Можно сказать, что капитан имел право сделать это на вполне законном основании.

Часовой опять вошел вместе с «официантом». Только теперь это уже был другой бандит. Он тоже светил фонариком, но ремень автомата с плеча даже не снимал. Правда, габаритами часовой весьма выделялся и силой, наверное, обделен не был. Но при правильной атаке можно и такого свалить и обезоружить. Большие люди, как правило, не имеют достаточной скорости ни в движениях, ни в мышлении. Они надеются только на физическую силу. А это в единоборствах всегда считается ошибкой. Сила должна сочетаться с умением.

Поэтому Вьюгов не сомневался в том, что с часовым он справиться может. Хотя не обязательно будет нападать именно на этого типа. Спешить пока некуда. Впереди почти целая неделя. Следует восстановиться после происшествия с бронетранспортером, почувствовать свои силы и тогда только начинать действовать.

Часовой выходил из камеры последним и сообщил на прощание:

– Скоро к тебе амир с Бейбарсом заглянут. Готовься.

Это была благая весть. Хотя бы увидеть противника уже было бы хорошо. Даст это не много, но все же что-то прояснится. Внешний вид говорит хотя бы о длине рук и о тактике, которую следует просчитывать на поединок. Сухость тела может сказать о быстроте и резкости, перекаченные объемные мышцы, наоборот, свидетельствуют о желании противника работать на силу.

Капитан Вьюгов внезапно осознал, что он все же рассматривал Бейбарса как вероятного противника, следовательно, готовился к поединку. Но он же не желал этого! Нет, пленник ничуть не сомневался в своих силах и навыках, но при этом надеялся, что схватка не состоится, ему удастся совершить побег.

Как-то капитан беседовал с психологом. Не специально к нему ходил, а встретился, когда того вызвали к освобожденным заложникам. Разговор тогда зашел о концентрации на цели. Психолог высказывал мнение, что человек, выбрав цель, должен вообще не рассматривать всякие возможные повороты событий и стремиться только к ней. Тогда ему успех гарантирован.

Вьюгов с психологом не согласился и привел простой пример. Несколько бегунов выходят на дорожку олимпийского стадиона. Все мечтают только о победе и золотой медали. Олимпийский чемпион – это на всю жизнь. У такого звания не бывает приставки «экс», как у чемпиона мира. Поэтому олимпийская награда почетнее всех прочих. Участники забега стремятся только к «золоту». Все ставят себе одну цель, настраиваются, но побеждает один, сильнейший. Настрой никогда не сможет решить судьбу медали.

Также и в других ситуациях. Ты стремишься к победе, противник тоже. Кто-то оказывается сильнее, кому-то мешают обстоятельства. Поэтому настраиваться следует на любой исход, готовить запасные варианты.

В данном случае капитан Вьюгов рассматривал поединок с Бейбарсом как запасной вариант на случай, если побег сорвется. Уверенности в том, что бой состоится, не было никакой, но Вьюгов вполне представлял, чем он может закончиться, если начнется. Станет капитан победителем, его расстреляют просто и без затей, как обещал Тимирбеков. Но тот же Азамат ничего не сказал о том, что будет с Вьюговым, если выиграет китаец. Конечно, схватка может закончиться и смертельным исходом. Но если Вьюгов останется жив? Что тогда? Лучшая участь – это расстрел без мучений и унижений. Какова же худшая? Как говорил кто-то из православных святых: «Если это свет, то какова же тьма!»

Такие мысли не мешали капитану. Даже наоборот, они настраивали его на обязательный успех в схватке. Но жизнь многих людей, в том числе и его товарищей по службе, зависела не от ее результата, а от того, сумеет ли капитан Вьюгов убежать из плена. Это было гораздо важнее собственной участи. Тем более что даже в случае победы жизнь ему сохранить не обещали.

Почему-то в темноте физические силовые занятия давались ему труднее, чем на свету. Это капитан понял, когда начал выполнять разминочные упражнения, дожидаясь прихода амира с китайцем. Может быть, мешало то, что Вьюгов прислушивался к звукам, доносившимся извне. Он не хотел, чтобы его застали за занятиями, предпочитал показывать, что пока еще не восстановился после контузии, полученной в бронетранспортере.

Хотя таковой, по сути дела, и не было. Удушение от дыма – это да. Без него дело не обошлось. Но все же и оно было не полным, иначе Вьюгов просто не сумел бы покинуть бронетранспортер. Но он это сделал, вывалился из бокового люка, представляющего собой две дверцы – верхняя поднимается, нижняя опускается в виде большой ступени для удобства десантирования. Может быть, при этом капитан ударился лицом о нижнюю часть люка. Скула опухла и до сих пор слегка побаливала. Но это не было серьезной контузией.

Пленник должен был показать бандитам, что состояние здоровья у него скверное. Его попытка к побегу должна оказаться неожиданной. Отжимаясь на кулаках от каменного пола, перемещая тело вправо и влево, Вьюгов продумывал, как ему вести себя, чтобы Азамат Тимирбеков убедился в слабости организма пленника капитана. Это могло бы растянуть отпущенную ему неделю хотя бы до десяти дней. За этот срок все может случиться. Дополнительные три дня увеличивают и шансы на побег. Вьюгов хорошо знал, что такое привычка. Когда часовые приглядятся к нему, он станет для них чуть ли не предметом мебели. Тогда они потеряют внимательность и осторожность.

Когда за дверью послышались шаги, капитан Вьюгов глубоко и резко выдохнул, а потом сел на свою лежанку. Его дыхание после интенсивных занятий все равно было тяжелым. Это могло быть замечено бандитами и принести пользу. Сыграть на плохом дыхании можно и нужно, причем так, чтобы добиться для себя некоторой свободы в передвижении.

Надо исходить из того, что амир Азамат Тимирбеков сам в прошлом знаменитый спортсмен. В подготовке к бою он, наверное, разбирается гораздо лучше самого капитана Вьюгова. Самое время продемонстрировать Тимирбекову свое незавидное положение. Хороший спортсмен не захочет видеть слабым одного из противников, бой между которыми он желает устроить. Осталось дождаться прихода амира.

Капитана удивляло только, что слышались шаги лишь двух людей, разговаривающих на языке, которого Вьюгов не знал. Это, скорее всего, Тимирбеков и часовой. Но тот предупредил, что Азамат пожалует вместе с Бейбарсом. Вьюгов решил, что посмотреть на планируемого противника сейчас не удастся.

Дверь наконец зазвенела консервными банками, сквозь щели между неплотно сбитыми досками мелькнули лучи двух фонариков. Капитан встал, чтобы поприветствовать своих то ли гостей, то ли хозяев. Вошли все-таки три человека. Как капитан и предполагал, это был амир Азамат Тимирбеков с часовым – оба держали по фонарику – и обещанный китаец, который передвигался так тихо, что складывалось впечатление, будто он крадется. Походка кошки делала движения Бейбарса коварными и опасными даже внешне.

– Как дела, капитан? Хорошо ли тебе спалось на новом месте? – спросил Азамат почти дружески, как настоящего гостя.

– Спасибо хозяину, не пришлось спать на голых досках. Хотя и на такой мягкой постели отдохнуть трудно. Душновато здесь, а у меня что-то с дыханием не в порядке. Я там, в бронетранспортере, похоже, дыма наглотался. В горле першит. – Выюгов перевел дыхание.

Оно и в самом деле было таким же хриплым, как у сильно курящего человека, хотя капитан никогда в жизни не страдал этим пороком.

– Дыхание... – Азамат на несколько секунд задумался. – Да, отравление дымом – не слишком приятное дело. Обычно при этом еще и голова болит. Как у тебя?

Выюгов пожал крутыми крепкими плечами и заявил:

– Я на это внимания не обращаю. Голова болит, но это, скорее всего, последствия контузии. Транспортёр сильно трянуло, и я головой о броню ударился.

Он потрогал свою распухшую скулу, предполагая, что там должен быть кровоподтек. Амир посветил ему в лицо фонариком, чтобы убедиться в правоте слов своего пленника. Следы удара о броню, видимо, были заметны.

Азамат покачал головой и спросил:

– Сотрясения мозга хоть нет?

– А я знаю? В темноте не проверишь.

– Проверь сейчас. Умеешь?

– Умею.

Проверять, конечно, можно было и в темноте. Разницы никакой. Но капитан сказал так в надежде выклянчить хоть какое-то освещение для себя. Тимирбеков не возразил. При свете фонарика Выюгов начал водить перед лицом пальцем в стороны, провожая его взглядом без поворота головы.

– Есть сотрясение, но не самое сильное. При серьезном боль в глазах долго держится, при легком быстро уходит.

Капитан врал, но сам чувствовал, что ему почему-то трудно обманывать Азамата Тимирбекова. Не потому, что амир был слишком пронизательным человеком. Пленнику просто хотелось быть с ним честным, и это странное желание его слегка угнетало. Но он усилием воли победил свое смущение, вовремя вспомнил, что перед ним действительно враг, убивший множество его товарищей и имеющий желание доставить федеральным силам как можно больше неприятностей, кровавых и огненных.

– Значит, тебе еще недели две надо в себя приходиться... – думая о чем-то своем, сказал Тимирбеков. – Я слишком поторопился, назначив бой на следующее воскресенье. Ты можешь упасть после первого же пропущенного удара.

Стационарных средств для проведения томографии мозга в банде, судя по всему, не имелось. Амиру приходилось полагаться только на слова пленника. Но этот капитан, видимо, вызывал у него какие-то положительные эмоции, и амир верил ему. Может быть, он чувствовал в нем мужество воина, как в себе самом, и это заставляло амира уважать Выюгова.

– Думаю, две недели – это слишком много, – сказал капитан. – Но десять дней было бы неплохо. И три дня на подготовку, как договаривались.

Азамат переглянулся с Бейбарсом и дал возможность капитану рассмотреть его. Конечно, это был китаец, но не из тех круглолицых северных типов, которые любыми способами пере-

ходили границу с Россией. Они, как правило, женились на старушках, которым за семьдесят, и обустроивались на российском Дальнем Востоке. Местные жители всех их поголовно звали хунхузами<sup>3</sup>, хотя это слово вовсе и не обозначает национальность.

Бейбарс, или Чун, был несомненным представителем населения Южного или Центрального Китая, где люди имеют больший рост и относительно тонкое телосложение. Бейбарс был весь составлен из крепких мышц и сухожилий. Это не скрывала даже одежда. Конечно, он должен быть быстрым и неудобным противником. Капитан рассматривал Чуна именно в этом качестве, пытался оценить его возможности, но все же рассчитывал, что схватка не состоится.

Китаец никак не отреагировал на взгляд Азамата и ждал, что решит амир. Хотя он мог и не знать русского языка. Поэтому Тимирбеков решил вопрос сам, без совета со стороны.

– Мне не хотелось бы, чтобы схватка была односторонней, – сказал он. – Я сегодня проверял, что умеет Бейбарс. Он хороший боец. Может быть, лучший из тех, кого я встречал. Он, скорее всего, убьет тебя. Но мне не хотелось бы, чтобы ты вообще не имел никаких шансов. Поэтому я дам тебе, как ты просишь, десять дней и еще три, хотя и сомневаюсь, что ты сможешь подготовиться к схватке.

– Я всегда готов к бою. Я попал в плен, будучи в хорошей форме. Три дня мне хватит. Я начну приводить себя в порядок раньше, буду тренироваться прямо здесь, если ты согласишься. Какие-то упражнения можно выполнять даже в этой... – Он хотел сказать «камере», но сдержался, чтобы не оскорбить гостеприимного хозяина. – В этом гроте.

– Что тебе нужно, чтобы чувствовать себя лучше?

– Я бы попросил молока. Оно всегда помогает при отравлении, но здесь, как я полагаю, его не найти.

– Я пошлю кого-нибудь. Назирхан ходит. Он знает, где взять молоко. Уже приносил нашему раненому. Правда, не коровье, а козье. Ты будешь такое пить?

– Это даже лучше.

– То, что молоко тебе принесут из Чечни, тебя не смутит?

Зачем и почему Тимирбеков заговорил про Чечню, капитан Вьюгов не понял. Может быть, это было обычное кавказское хвастовство. Дескать, мы такие, можем и издалека доставить. Но тогда не прозвучало бы слово «смутит». Здесь что-то другое. Капитан не понял, что именно, но переспрашивать не стал. Вопрос вообще-то мог разрешиться просто. Приграничные дагестанцы не дружат с чеченцами. Да и не только приграничные. Они вообще считают себя главной национальностью Кавказских гор и на остальных посматривают свысока. В высказывании амира могли содержаться отголоски этих отношений.

Но Вьюгова заинтересовало другое. Чечня... Она не слишком-то и далеко, если уметь летать как орел. Чечня находится как раз за этим хребтом. Значит, есть проход, ведущий туда? Этот вопрос хорошо было бы как-то выяснить. Он мог оказаться важным для осуществления побега.

– Нет.

– Что еще?

– Свет хоть какой-нибудь надо бы. От темноты люди быстро слепнут.

Азамат кивнул и спросил:

– Еще что?

– Когда начнется интенсивная подготовка, я бы хотел побегать. Пусть даже по тому же ущелью, под приглядом автоматов твоих парней. Это возможно?

---

<sup>3</sup> *Хунхузы* – дословно «красные бороды». Так в Китае звали разбойников, промышлявших в северо-восточных провинциях и в Маньчжурии. Еще в девятнадцатом веке хунхузы часто переходили границу и орудовали на российском Дальнем Востоке, устраивая охоту на собирателей женьшеня и золотоискателей. С нарицательным именем «хунхуз» российские дальневосточники всегда связывали самое плохое.

– Это возможно. Когда соберешься, скажи мне. И вообще, если что будет нужно, говори часовому. Он меня позовет. Я живу не так далеко отсюда.

Азамат кивнул на прощание и повернулся к двери. Лучи двух фонариков пересеклись вместе, осветили стену. Она была мокрая. Раньше капитан такого не видел. Он даже, как помнил, трогал эту стену рукой. Тогда она была сухой. Значит, внутри горного хребта происходят какие-то геологические процессы. На этом, если хорошо подумать, также можно сыграть.

Азамат тоже заметил мокрую стену, потрогал ее ладонью и спросил часового:

– Что это, Вагиф?

Тот пожал необхватными плечами и ответил:

– Не знаю, амир. Откуда-то сверху стекает.

– Больше нигде такого не видел?

– Нет, амир. Не видел.

– Подземных толчков не было?

Тимирбеков поочередно посмотрел на часового, на пленного капитана, на Бейбарса, ожидая, что ему ответит хотя бы один из них. Но все, за исключением китайца, только плечами пожали. Бейбарс же сохранял на лице невозмутимость, приличествующую настоящему воину, или же ни слова не понимая по-русски. В присутствии Вьюгова амир даже с часовым разговаривал только на этом языке.

– Вагиф, я тебя попрошу, следи за этой стеной и за соседними. Мне не нравится, что появилась вода. Три года ничего подобного не было, а тут вдруг ни с того ни с сего!..

– Может, пленник подкоп делает? – то ли пошутил с серьезным видом, то ли всерьез предположил Вагиф и посмотрел на капитана откровенно подозрительно.

– Если бы у него было кайло или лопата, он уже снес бы тебе голову и убежал, – ответил Азамат. – А голыми руками наши скалы не раскопаешь.

– У меня шея крепче этих скал, – самодовольно сообщил часовой. – Мою голову простой лопатой не срубишь.

– Ты самоуверен точно так же, как твой брат Назирхан. Не хочешь понимать того, что лопату можно заточить о камни. Да и вода у нас течет с потолка. Капитан стал бы копать не вверх, а вниз. До потолка он здесь не дотянется.

Тимирбеков посветил вверх. До потолка и в самом деле было никак не меньше восьми метров. Вода текла откуда-то сверху, что, впрочем, никого не удивило. Но Вьюгов сразу понял, что грот, в котором его держат, естественный, только расширенный внизу человеческими руками. Это значило, что здесь можно встретить другие гроты и выходы на поверхность. Внутренность хребта не монолитная, она может иметь множественные полости.

Но капитан слишком мало знал о пещерах и об их строении, о законах образования таких пустот в недрах гор. Он не мог достаточно уверенно судить о том, какие возможности это открывает перед ним. Пленник просто принял эту информацию, а заодно и другую.

Фонарик Тимирбекова высветил неровную стену над дверью и большой скос потолка. Там были выступы и ниши, причем достаточно большие. Такие, в которых можно было бы спрятаться. Возможно, через них и поступала на стену вода. Кто знает, какой ширины эти щели? Не исключено, что в какие-то из них можно и пролезть. Но пока эта информация тоже ничего не давала, хотя могла. Об этом стоило подумать и провести небольшое исследование. Хорошо, что такая мысль пришла в голову только капитану, а не тем, кто посетил его.

– Я распоряжусь, чтобы тебе масляную лампу принесли, – с порога, полуобернувшись через плечо, пообещал Тимирбеков.

Его фонарик уже светил куда-то в коридор, соединяющий грот с общим большим пещерным залом. Амир смотрел под ноги, чтобы не споткнуться. Знает, видимо, каковы полы в здешних переходах. Это надо иметь в виду и капитану, когда он будет пробираться в темноте. Если, конечно, такая возможность представится.

– Мне принести? – спросил в спину амира Вагиф.

Тот отрицательно помотал головой и заявил:

– Ты стой на посту. Принесет Иманали. Он дорогу хорошо знает.

Вьюгов догадался, что того большого мужчину с высоким голосом, которого он мысленно прозвал официантом, зовут Иманали. Вообще-то этот человек мало походил на бандита. Слишком уж он был дружелюбным, даже вызывал какую-то симпатию. В понимании капитана бандит – это тот, кто убьет тебя, твоего друга, жену и детей, если ты сам раньше не прикончишь его. Действительность обычно оправдывала такое мнение. Но, видимо, бандиты бывают разными, как и спецназовцы внутренних войск.

Азамат ушел, за ним скрылся в коридоре китаец Чун, не проронивший ни слова, не имеющий своего фонарика, поэтому спешащий за амиром. Последним, как ему и полагалось, вышел часовой Вагиф и зазвенел банкками, закрывая дверь.

Капитан Вьюгов опять остался в темноте, к которой начал понемногу привыкать. По большому счету, это был плохой признак. Лучи слабых фонариков, когда к нему приходили бандиты, резали капитану глаза. Что же будет, когда пленник выйдет на солнечный свет? Хорошо, что он сумел выпросить у Азамата лампу. Со светом жить будет веселее.

## Глава 5

Старший прапорщик Архиреев еще плохо знал расположение корпусов военного городка бригады спецназа ГРУ, поэтому был ведомым, шел прямо за подполковником Судоплатовым. Он легко вписывался в манеру подполковника ходить быстро, длинными шагами. Комбат был высокого роста и ноги, соответственно, имел длинные. Архиреев оказался ниже на полголовы. Идти вровень им было трудно, но старший прапорщик все равно не отставал, хотя на один шаг подполковника приходилось полтора его, куда более быстрых.

Узел связи находился в подвальном помещении штаба бригады. Судоплатов поздоровался с дежурным по штабу, встретившим их, сообщил, куда они направляются, и сразу прошел к лестнице. Старший прапорщик, не знакомый с этим офицером, тоже скромно приветствовал его и двинулся вслед за комбатом.

Бетонные и всего лишь побеленные стены подвального помещения говорили о том, что здесь люди только служат, то есть работают. К отдыху эти коридоры никак не располагали.

– Там у нас тир. – Подполковник показал в конец коридора, откуда сквозь металлические двери доносились глухие звуки пушечных выстрелов. – Тебе, Алексей Александрович, в нем с офицерами работать. Чуть позже заглянем. Оценишь помещение. Оборудованием начальник штаба бригады занимался. Он любитель пушечной стрельбы. Сам, наверное, будет твои навыки оценивать. Он у нас любит всякие проверки.

Говорил Судоплатов со своей обычной хмуростью в глазах и в интонациях голоса. Непонятно было, одобряет он действия начальника штаба бригады или осуждает их.

На узле связи начальник смены, старший прапорщик, уже ждал гостей.

– Товарищ подполковник, сеанс видеосвязи проводится в пилотном режиме. Москва просит использовать такую возможность, пока нет сбоев. Обычно у нас эти сеансы проблематичны. Идет отладка системы. Вон в ту отдельную комнату, пожалуйста.

– Это закрытый канал? – спросил Судоплатов.

– Так точно, канал кодируется аппаратурой ЗАС<sup>4</sup>.

– Разговаривать, значит, можно свободно?

– В пределах режима ЗАС.

– А этот режим?..

– Данные с грифом «Для служебного пользования» и «Секретно» передаются без ограничений. Материалы, помеченные «Совершенно секретно» и «Особой важности», передавать запрещено.

– Ну, командование эти режимы лучше нас знает. Оно грифы и ставит. – Подполковник открыл указанную ему металлическую дверь.

На специальном широченном столе стоял большой двадцатичетырехдюймовый монитор, поверх которого были закреплены четыре стандартные веб-камеры. За столом сидел младший сержант, который тут же встал и уступил место подполковнику.

– Мы вас оставим, товарищи, – сообщил начальник смены. – Малахольный, покажи, как переключать камеры. Малахольный – это его фамилия, товарищ подполковник. Не кличка.

Младший сержант Малахольный, по внешнему виду и вправду слегка не от мира сего, типичный компьютерщик, вытащил из-под клавиатуры неаккуратно оторванную четвертинку стандартного бумажного листа, на котором крупными буквами были написаны четыре строчки с комбинациями клавиш управления.

– Для вас. Инструкция.

---

<sup>4</sup> ЗАС – засекречивающая аппаратура связи. Обычно работает в телефонном и телеграфном режимах. Видеосвязь пока только осваивается российскими специалистами.

– Разжевать не можешь? Словами. Зачем мне перечень команд? Я их и так знаю. А что каждая комбинация значит?

– Вызов, товарищ подполковник, двойным нажатием «Enter». На той стороне уже ждут. Если вас будет плохо видно, то оператор с той стороны подскажет, какую камеру следует включить, – объяснил младший сержант и торопливо, неразборчиво дописал на листочке расшифровку разных клавиатурных комбинаций.

Подполковник поморщился, но все же сумел прочитать эту китайскую грамоту, согласно кивнул и приказал:

– Иди.

Старший прапорщик уже стоял одной ногой за порогом и держал дверь открытой. Малахольный шагнул вслед за ним. Дверь закрылась с громким металлическим звуком. Только после этого подполковник Судоплатов сел за стол перед монитором и, недолго думая, дважды ткнул пальцем по клавише «Enter».

Монитор тут же выдал какую-то ярко-голубую заставку, светящуюся звездами, и голос из невидимых динамиков сказал раньше, чем появилось изображение:

– Наконец-то!.. Здравствуй, Павел Анатольевич. Ты привел Архиреева?

Монитор показывал только самого подполковника Судоплатова и живот старшего прапорщика Архиреева. Собеседников видно не было. Светился только небольшой квадратик в самом углу экрана.

Однако Судоплатов узнал голос старшего офицера оперативного отдела диверсионного управления и ответил:

– Здравия желаю, Владилен Федорович. Ты, если не ошибаюсь?

– А ты не видишь?

– Нет. Себя видим, любимся, и больше никого. Я только по голосу ориентируюсь. Понял, что не ошибся, хотя давненько уже не встречались.

Владилен Федорович зычно вздохнул, и микрофон передал этот звук во всей его красе.

– Опять у связи проблемы. Я вот тебя нормально вижу. Себя тоже. Зато Архиреева не вижу. Только его живот. А с животом как-то разговаривать не совсем удобно. Попроси его сесть справа от тебя... Нет, слева, мне вот тут оператор подсказывает, что у нас с камер идет зеркальное изображение. Слева посади, чтобы я и его видел.

Судоплатов привычно хмуро глянул через плечо. Старший прапорщик поискал взглядом стул, нашел его в углу кабинета, принес и сел.

– Теперь нормально. Всех вижу.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сказал старший прапорщик.

Тут монитор засветился полностью, и появилось изображение. Спецназовцы не ошиблись, на связь с ними вышел полковник Рысинов, который знал лично не только комбата Судоплатова, но, как оказалось, и старшего прапорщика Архиреева.

– Вижу тебя, Владилен Федорович, – сообщил подполковник Судоплатов.

– Я вас тоже. Того и другого. Потороплюсь, потому что связь ненадежная. Я только что отправил в Махачкалу самолет. Три китайских офицера с нашим сопровождающим. По твою душу, Павел Анатольевич. Правда, они будут работать в контакте с местным управлением ФСБ, но ты к ним подключайся. Скажи мне, знаешь что-нибудь про банду амира Азамата Тимирбекова? Он в Дагестане. Ты же там все, кажется, знаешь.

– Всего никто не знает. А Тимирбеков... Знаком с ним только по оперативным сводкам. Пути наши не пересекались, против него я не работал. Иначе ты не спрашивал бы. Сам знаешь, если я прицеплюсь, то как клещ, и уже не оторвешь меня никакими силами. Даже сбежать будет невозможно, потому что я уже прицепился.

– За это тебя командование и ценит. Готовь отряд под свою команду. Желая тебе поскорее вцепиться в Тимирбекова. Ваш командир бригады и начальник штаба в курсе. С собой возьми Алексея Александровича. В этой операции он тебе будет необходим.

– Алексей Александрович у нас специалист по рукопашному бою. Зачем он мне в реальной операции? На то есть какие-то объективные причины?

– Есть причины. Это тебе китайские офицеры объяснят. Или тот сотрудник ФСБ, который будет их курировать. Некто Крикаль Виктор Львович. Он недавно проводил операцию вместе с отрядом подполковника Устюжанина. Не слышал?

– От нас до Махачкалы не близко. Мне тоже туда лететь придется. Марш-броском добираться можно, но долго, на машинах рискованно. Так что Устюжанин про этого Крикаля говорит?

– Он, как я понимаю, сотрудничеством вполне удовлетворен. Основной упор делает на способность Крикаля быстро добывать любую необходимую информацию из самых разных источников. Это хорошее качество. Надеюсь, и ты останешься довольным. Короче говоря, готовь отряд. Силы стандартные. В пределах роты, плюс-минус взвод или два. Сам смотри, кто тебе понадобится. Кто такой Тимирбеков, ты, надеюсь, знаешь, хотя вы и не встречались.

– Какой-то бывший спортсмен.

– Не какой-то спортсмен, а известный. Можно сказать, гордость республики. Был одним из первых чемпионов мира по панкратиону. Это разновидность рукопашного боя, входившая в программу Олимпийских игр древности. Самая жесткая, даже жестокая.

Судоплатов, кажется, догадался:

– Поэтому я должен взять с собой Архиреева? Чтобы он вызвал амира на поединок?

– Нет. Не поэтому. Для Архиреева другая работа предвидится. Но опять же под твоим руководством. Китайские товарищи все тебе расскажут. Это не тот разговор, который может вестись через непроверенную систему. Но амир Азамат может и без того доставить много хлопот тебе, да и всему твоему отряду. Своих бойцов он постоянно держит в прекрасной спортивной форме, даже тренирует, я слышал. Не разрешает ни пить, ни курить, не говоря уже о том, что расстреливает наркоманов. Этим Тимирбеков и отличается от других полевых командиров. Поэтому ты с собой бери самых подготовленных. Молодых оставь дозревать.

Судоплатов что-то промычал, несколько секунд подумал, потом ответил:

– Извини, Владилен Федорович, у меня боевой отряд всегда составляется по собственному принципу. Я обязательно беру с собой четверть необстрелянных людей. Иначе как и где их научишь? Я с детства уверен, что лучший способ научить человека плавать состоит в том, чтобы сбросить его с лодки посреди реки. Меня именно так в свое время учили не только плавать, но и воевать. Кажется, я это освоил и сам взял на вооружение такой метод. Именно потому у меня в батальоне растут хорошие бойцы.

– Твое дело. Сейчас зайди к начальнику штаба, я с ним пятнадцать минут назад перезванивался. Он должен быть в кабинете, все оформит и транспорт закажет. Завтра утром вылетай. Помещение для твоего отряда подготовит подполковник Крикаль. Все понял?

– Понял.

– Еще вот что. В поддержку тебе нам разрешили задействовать силы космической разведки ГРУ. Вместе с китайцами в Махачкалу вылетел офицер этого управления со своей техникой. Он поступает в твое распоряжение и объяснит тебе, чем может оказаться полезным. А толку от него бывает очень много.

– Я слышал, что они существенно помогают, если есть какие-то конкретные телефонные номера. Отслеживают их в реальном режиме времени.

– Да. У меня все. Вопросы есть?

– Есть.

– Слушаю.

– Когда Сталина вернут?

Полковник Рысинов сильно задумался, что было видно даже при плохом качестве видеокамер, используемых в системе связи.

– Не понял. Какого Сталина?

Судоплатов же никакого смущения не испытывал, говорил, как всегда, хмуро и сердито:

– Любого. Вернется Сталин, восстановит статью за вредительство. Сердюкова расстреляют за вред, причиненный армии. Срочно нужен Сталин, чтобы никому неповадно было ее разрушать. Это фундамент государства. Разломай его, и весь дом обрушится. Я с народом много общаюсь. Люди Сталина требуют. Когда, спрашивают, вернут?

– Не по адресу вопрос, Павел Анатольевич. У меня все. Удачи. Как, Алексей Александрович, осваиваешься на новом месте? – Московский полковник, видимо, сильно смутился от вопроса подполковника Судоплатова и постарался стремительно перевести разговор на другую тему.

Его последнее обращение уже выходило за рамки конкретного служебного разговора и относилось напрямую к старшему прапорщику Архирееву.

– Сегодня проводил первое занятие, товарищ полковник. Знакомился с молодым пополнением. Правда, за час оценить его трудно. Надеюсь продолжить. Даже в командировке, если Павел Анатольевич новобранцев тоже возьмет.

– Возьму, – упрямо подтвердил Судоплатов.

– Хорошо, удачи вам. До связи.

Большой экран на мониторе потух. Остался только маленький квадратик в углу, в котором подполковник со старшим прапорщиком могли бы полюбоваться собой. Но комплекс Нарцисса<sup>5</sup> им был, кажется, чужд.

К начальнику штаба бригады подполковник Судоплатов пошел опять вместе со старшим прапорщиком Архиреевым. Он надеялся, что хотя бы подполковник Луковников объяснит, какая роль в предстоящей операции отводилась Алексею Александровичу, поскольку московское командование делать этого не желало. Дежурный по штабу, сидящий на первом этаже, сообщил Судоплатову, что начальник штаба только что спустился в тир. Им пришлось разворачиваться и снова спускаться в подвал.

Они остановились сразу за дверьми, потому что подполковник Луковников, вооруженный двумя экспериментальными пистолетами «Стриж», находился на исходной позиции. Дистанция для пистолетной стрельбы с двух рук была выбрана достаточно большая – пятьдесят метров. Мишени выставлены поясные, то есть не самые крупные, но Луковников знал, что делал. Для него это было обычным упражнением даже при стрельбе из более привычного пистолета ПМ. Впрочем, для обеих моделей пятидесятиметровая дистанция считается максимальной. Обычно такие упражнения в стрельбе, пусть даже из двух пистолетов, производятся по одной мишени. Перед подполковником Луковниковым их было выставлено пять.

---

<sup>5</sup> *Комплекс Нарцисса* – психическое заболевание, в основе которого лежит самовлюбленность, любование собой и своими действиями.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.